

ЯПОНСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ

Оценивая модернизацию той или иной страны, большинство ученых исходит из временного критерия, т.е. относит общество к тому или иному типу в зависимости от времени его вступления на путь модернизации. Профессор Талкот Парсонс, полагая, что общества развиваются под воздействием внутренних или внешних факторов, делит их на два типа – соответственно эндогенные и экзогенные. Вслед за Парсонсом, Мэрион Леви различает «первично развитые» и «вторично». К первым он относит те, которые развивались, преимущественно опираясь на собственные силы в течение сравнительно долгого времени. Ко вторым – те, которые заимствовали модель индустриализации первично развитых обществ и осуществляли ее достаточно быстро. Например, в случае Японии, как свидетельствует известный японский социолог Цуруми Кадзуко, там, где западным странам требовалось тридцать лет, было достаточно десяти /1, с.7/.

Это связано с тем, что так называемые вторично развивающиеся общества, осуществляя модернизацию, включали в свои традиционные структуры передовые технологии, политические, экономические и идеологические новшества, которые не всегда сочетались с уровнем развития того или иного социума. Более того, сложности возникали с асинхронностью изменений, происходивших в различных системах модернизирующихся обществ.

Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации традиций. Новые элементы обычно лишь добавлялись к старой структуре, никогда не разрушая ее, часто сосуществуя с ней, иногда сливаясь, образуя единый сплав, где уже трудно различить, что взято извне, а что традиционно японское. Постепенно эти элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, вызвали перестройку всей системы. Иногда этот процесс шел настолько бурно, что порождал обманчивое впечатление, будто японцы разрушают свои традиции. Даже известный русский мыслитель В.С. Соловьев, высказывавший много прозорливых мыслей о будущем Японии, оказался в плену подобных представлений. Он писал: «Японцы не очень ценят особенности своей культуры, судя по той поспешности, с которой они перенимают не только техническую сторону европейской цивилизации, но и жизненные ее принципы» /2, с.126/.

На самом деле модернизация Японии осуществлялась не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования, и поэтому нельзя не согласиться с мнением известного японоведа Фоско Маранини:

«Двадцатый век в Японии часто рассматривается как прогресс, вызванный множеством чужестранных элементов, представляющих собой модернизацию, на фоне упрямого сопротивления сил традиции. В некоторых случаях это верно, но общая картина представляется совершенно иной. Будь прошлое Японии преградой для ее будущего, страна до сих пор была бы неким прилежным и многообещающим учеником своих западных менторов, а не могущественным соперником, поднявшим меч и играющим с умением и жаром, грозя в скором времени побить учителей в их собственной игре» /3, с.158/.

Прагматизм японцев давал им большие возможности воспринимать все нововведения, которые они считали нужными, старательно обходя возможные катаклизмы и не поступаясь традиционными ценностями. Это – одна из причин, почему Япония сумела успешно ответить на вызов Запада, в отличие, скажем, от Китая. На восприятие модернизации и в том и другом случае огромное влияние оказали социопсихологические факторы, в частности – отношение китайцев и японцев к остальному миру: первые не смогли расстаться с идеей Срединной империи и допустить наличие ценностей, отличных от их собственных, и необходимость чему-нибудь учиться у других народов. Вторые же, не теряя своей уникальности, сумели воспринять западные ценности. Такую точку зрения разделяют многие отечественные и зарубежные японоведы.

Японский опыт как раз и свидетельствует о том, что ни одна культура, даже такая мощная, как западная, не может быть универсальным образцом для подражания, и в то же время ни одна культура не развивается абсолютно независимо, как бы в вакууме. Поэтому, хотя мы и говорим подчас о модернизации Японии в постэмэйдзийский период как о европеизации, или в послевоенный, как об американизации, на самом деле речь идет о процессе более сложном и деликатном, о взаимодействии культур, когда прослеживается близость этого понятия с понятием цивилизации.

Универсальное воздействие традиций в широком смысле этого понятия способствовало тому, что преобразования в японском обществе, даже достаточно серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов, путем реформ, без революций, а путем эволюции. Решение проблем (противоречий) путем компромиссов – явление характерное для Японии, где, как правило, выбирают золотую середину между разрушением и созиданием. Такой подход базируется на одном из основополагающих принципов японского мировосприятия – ва (понятие гармонии). Как пишет Т. Григорьева, «Гармония (ва) означает правильное отношение – поддерживать нечто в состоянии подвижного равновесия, уравнивать одно другим, что позволяет целому не распадаться в истории – это способность уравнивать, снимать конфликты, примирять враждующие стороны внутри и вовне. Не случайно японцы назвали свою страну Ямато (второе чтение иероглифа “гармония” – ва) в отличие от китайцев, которые назвали свое государство Срединным...

Япония, она изначально предпочла путь движения, действия, идеалу покоя, “центра” предпочла идеал движения, Пути» /4, с. 142/. Безусловно, принцип «Ва» нельзя принимать за абсолют во всех проявлениях жизни.

Специфика кардинальных преобразований в японском обществе (отсутствие классических революций, сопровождавшихся ниспровержением политических режимов, изменением главных политических принципов и символов законодательной власти, сменой правящих классов, а также коренным изменением социально-экономических отношений) породила различные оценки событий периода Мэйдзи. Советские ученые характеризовали их как незавершенную буржуазную революцию, имевшую верхушечный характер. Эта оценка сделана с позиций европоцентризма. Незавершенность виделась в том, что задачи буржуазных преобразований были решены неполностью. Это касалось как существа проведенных реформ, так и формы установленной власти.

Большинство европейских историков, как и японских, называют эти события реставрацией Мэйдзи, поскольку основные политические изменения вылились в форму восстановления императорской власти, сохранения преемственности традиций, реконструкции специфической японской общности и утверждения идеи обожествления императора.

Такие, на первый взгляд, противоречивые оценки вполне правомерны в случае с Японией, ибо отражают действительную сущность этих событий, хотя понятия реставрации и революции на примере истории западных стран взаимно исключают друг друга. Реставрация же Мэйдзи по своим последствиям (индустриализация, урбанизация, централизация власти) была близка к революциям европейского типа. Но система государственной власти не подвергалась коренной ломке. Кроме того, японцы и не ставили задач, которые решались во время европейских революций. Они сделали все, что было нужно их стране в то время для сохранения независимости и создания равновеликого европейским государством.

Достаточно высокий уровень развития Японии к моменту вступления ее в тесный контакт с западной цивилизацией позволил проф. Дж. Арнасону университета Ла Троб (Мельбурн, Австралия) предложить интересное сравнение истории страны не с отдельными европейскими странами, а с континентом в целом. При этом, по его мнению, роль отдельных европейских государств играли здесь феодальные кланы. Таким образом, Япония несла в себе «свою Италию, Голландию, Францию, Англию и Германию вместе взятые» /5, с. 264/.

Речь идет о том, что в Европе ни одно государство не играло главенствующей роли, т.е. на континенте отсутствовала жесткая централизованная власть, что обеспечило сравнительно быстрый переход западного общества к капитализму. То же, в частности, имело место и в Японии в токугавский период, где в отличие от других азиатских стран власть государства, и особенно экономическая, была слабее. По справедливому замечанию китаеве-

да Ф.Б. Белелюбского, «ослабление центра подготовило ускоренный бросок традиционного европейского общества в светлое царство еврокапитализма... где-то на рубеже XVI-XVII веков. Наоборот, в Азии укрепилось в разных вариантах экономическое верховенство государственной власти. Более слабую позицию мы видим в Японии» /6, с.116/.

Кроме того, как отмечает отечественный исследователь Р.И. Капелюшников, в средневековой Европе не только не возникло гегемонии какого-нибудь одного государства, но была и высокая степень политической преемственности и стабильности. Для Японии же эту роль играл национальный фактор.

Процесс модернизации Японии – не прямолинейное поступательное движение. В нем наблюдаются свои приливы и отливы: от полного отторжения всего западного до практически полного его принятия. Подобное отношение ко всему иноземному было свойственно японскому обществу в течение всей его истории.

Усвоение чужеземного опыта определялось прежде всего политическими целями, и этот процесс шел под контролем правящей элиты. Достаточно наглядно проявилась эта тенденция при первых контактах с европейцами в XVI в. и проникновении западных идей в XVI-XVII вв. В частности, благожелательное отношение к португальскому оружию, медицине, астрономии и религии довольно быстро сменилось негативным, ибо правители страны опасались появления политической «пятой колонны». В конечном итоге принималось то, что отвечало потребностям общества в данное время и корреспондировало с японской традицией. Отчасти заимствования играли роль стимуляторов внутреннего развития.

Не менее интересны с точки зрения своего революционного характера и реформы, проведенные в Японии после ее поражения во второй мировой войне. Они были столь радикальны, что заслужили оценку, в частности, наших ученых, как решающих задачи буржуазно-демократической революции. Проведенные в стране преобразования создали условия для ускоренного экономического развития, в результате которого Япония стала полноправным членом модернизированных обществ.

В послевоенной истории Японии политическая культура выглядит как фактор, в наибольшей степени изменявшийся эволюционным путем и преодолевавший наиболее извилистый путь трансформации. Поражение во второй мировой войне, без сомнения, означало для страны огромный культурный шок, подрыв политических и идеологических стереотипов, господствовавших в течение почти столетия со времен революции Мэйдзи 1868 года. В первую очередь разрушенными оказались идеологические установки о «божественном предназначении японской нации», непобедимости ее вооруженных сил, «божественном происхождении» императорской семьи и так далее, т.е. наиболее грубые и примитивные догматы авторитарно-милитаристского режима. Вместе с тем крушение даже этих мифов произошло не в силу эндогенных перемен в общественном сознании и политиче-

ской ситуации, а исключительно благодаря военному поражению и капитуляции, новой политической линии на демократизацию страны, привнесенную американской оккупационной администрацией.

Тем не менее можно отметить, что культурно-политический шок капитуляции и оккупации затронул прежде всего наиболее поверхностные слои массового общественного сознания и политических ориентаций, не подорвав в целом базы пассивно-консервативного восприятия политических реалий. Крах потерпели конкретные политические институты, идейные и политические догматы, но не базисные принципы политического поведения, которые и составляют основу политической культуры.

В традиционной японской политической культуре наблюдается ряд черт, способствовавших укоренению консерватизма и пассивного отношения к участию в политической жизни. По образному выражению японского культуролога К. Накамуры, это «культура тайфунного типа». Подобно климату зоны тайфунов, она временно сталкивается с периодами бурь и ужасных разрушений, но после того как тайфун проходит, небо вновь становится чистым, и общество возвращается к своему исходному состоянию, как будто оно и не переживало столь бурных потрясений. Корни традиционных стереотипов политического поведения лежат глубоко в культурных принципах жизни деревенской общины, что позволило ряду японских исследователей определять этот тип культуры как культуру «деревенского общества».

К важнейшим из этих принципов следует отнести понятие «ва», довольно приблизительно переводимое на русский язык как «принцип гармонии». «Ва» ориентирует социальный организм на поддержание бесконфликтных отношений, неприятие оппозиционности, игнорирование и подавление мнения меньшинства. На практике такая установка реализуется через противопоставление общественно предписанных норм поведения и высказываемых взглядов («татэмаэ») и личной позиции индивида («хоннэ»). В жизни японского социального организма «хоннэ» значимо только для самооценки и самовосприятия личности, но в случае его расхождения с общественно признанным «татэмаэ» данной группы «хоннэ» индивидуума невозможно не только отстаивать, но даже высказывать. Таким образом, предпочтение, отдаваемое «татэмаэ» ради поддержания общественной гармонии «ва» в традиционной японской культуре, фактически ставит вне закона любое появление альтернативной позиции в конкретном социальном организме. На практике же этот принцип приводит к доминированию даже не точки зрения большинства, а к конформизму с устоявшимися взглядами и нормами поведения или с точкой зрения лидеров данной группы, имеющих возможность формировать желательный для себя «татэмаэ». Поскольку подобная система исключает оправданность даже выражения неортодоксального «хоннэ», в ней отсутствует и механизм выявления взглядов большинства. За позицию большинства автоматически принимается или существовавший ранее

«татэмаэ» или идеи, которые можно представить как «татэмаэ» через каналы формальных, а чаще неформальных властных структур.

Вторым существенным механизмом «ва» следует считать систему отношений «оябун-кабун», описываемую в европейских терминах как отношения «патрон-клиент». В реальных правилах политической игры она означает почти абсолютное неприятие индивидуализма в становлении политической карьеры. Серьезный политик просто обязан принадлежать определенной группе и начинать свою карьеру как младший член этой группы, подчиненный одному из ее патронов. Преданное и успешное служение в этих нормах обязательно должно вознаграждаться политическим ростом, и иные пути становления политической карьеры рассматриваются как нарушение освященных традицией принципов. В сущности, система выгодна и патрону, и клиенту: патрон получает послушного исполнителя, постепенно приобщающегося к сложной внутренней политической кухне; клиент получает и необходимый опыт, и гарантии постепенного восхождения своего статуса в политической иерархии. Однако эта система отбора политической элиты способствует и консервации традиционных основ и механизмов политической деятельности.

Юридическим путем преодолеть консерватизм принципа «ва» практически невозможно. В данном случае действует более глубокий культурный механизм, предопределяющий неизбежную подстройку практики применения законодательства к жестким императивам политической культуры. В этом смысле демократический пафос первых послевоенных реформ, привнесенный в политическую жизнь Японии американскими оккупационными властями, во многом оставался чисто формальным и поверхностным, новая демократическая фразеология успешно абсорбировалась традиционными по своей сути нормами политического поведения.

В условиях жестко ограниченных возможностей культурно-политических инноваций внутри достаточно интегрированной и иерархизированной группы реальный механизм возникновения новых политических норм в японском обществе традиционно определялся становлением принципиально новых политических, или скорее даже социально-политических объединений, в целом более подверженных влиянию процессов модернизации и возглавлявшихся личностями, провозглашавшими альтернативные политико-культурные ценности. В ходе революции Мэйдзи такую роль в первую очередь играли полунезависимые южные и юго-западные княжества, оппозиционные центральному правительству Токугава, а в эпоху Мэйдзи – партии, сформировавшиеся на волне движения за свободу и народные права. В начальный период послевоенной истории аналогичную миссию выполнили левые партии и профсоюзы, укрепившие на первых порах свои позиции в японской политической системе, благодаря курсу американских оккупационных властей на демократизацию страны.

Механизм внесения изменений в политическую культуру через появление и рост модернистских социально-политических объединений при дли-

тельном сохранении консервативной ориентации старыми группами порождает продолжительный период сосуществования и борьбы противоположных субкультур в японском обществе. На уровне политических организаций он получил отражение в длительном идеологическом противостоянии консервативных партий, объединившихся в 1955 году в Либерально-Демократическую партию, и Социалистической партии (СПЯ, с 1991 – СДПЯ), изначально выступавшей как ведущая сила оппозиции. Внешне идейная сторона этого противостояния могла бы быть описана как противоборство устремлений консерваторов к максимальному сохранению основ довоенного политического режима и провозглашенной социал-демократами цели достижения социализма реформаторским путем. Но на практике СПЯ редко воспринималась как партия социалистического выбора, да и сама она не делала на этом серьезного акцента. Реально политическое противостояние консерваторов-социалистов скорее проходило по оси реставрация-модернизация и вокруг военных вопросов (СПЯ традиционно известна своей пацифистской позицией).

Таким образом, традиционная политическая культура представляет собой строго иерархизированную структуру, которая основана на использовании психологии большинства и расслоении общества на элиту и не-элиту.

Основу европейской модернизации составляли эндогенные процессы в экономике, политике, идеологии, науке, и она осуществлялась сравнительно медленными темпами.

В результате таких процессов сложилось современное западное общество, под влиянием которого на основе межнациональных контактов осуществлялась модернизация других регионов. Точнее сказать, вестернизация их, ибо модернизация, на наш взгляд, представляет собой более сложный и самостоятельный процесс, опирающийся на саморазвитие любой страны, а не только на заимствование чужого опыта. По сути своей путь исторического развития Японии представляет собой практически непрерывный процесс модернизации общества не только в плане постоянной рационализации хозяйственной деятельности, но и развития духовной сферы. Япония – яркий пример трансформации традиционного общества в западное, понимаемое как модернизированное.

Модернизация Японии была, таким образом, крупномасштабным процессом, проводимым сверху, и в период Мэйдзи, и после второй мировой войны. Она явилась результатом целенаправленной деятельности правящих кругов, будучи приоритетом национальной политики. Это в значительной степени предопределило ее относительно бурные темпы. Быстрота процесса модернизации способствовала появлению у народа в целом чувства, что все можно и нужно делать быстро. Это отчасти и придает динамизм обществу, рождая ощущение спрессованности истории.

Однако японские историки и социологи, сравнивая реалии своей страны с уровнем, достигнутым Западной Европой и Северной Америкой, по большей ча-

сти склонны считать свою модернизацию медленной и неудовлетворительной. Это проистекает, видимо, от недооценки ими уровня развития Японии и предпосылок для ее модернизации в середине XIX в. Возможно, такая точка зрения японских ученых является естественной реакцией на длительный период восхваления ими японской истории вплоть до искажения исторических фактов.

Западноевропейские и американские ученые полагают, что уровень модернизации и демократизации Запада надо рассматривать не как норму для сравнения, а как цель, которая должна быть достигнута в этом процессе другими странами. Представляется, что такая точка зрения более продуктивна, ибо ориентирует на сравнение одностадиальных явлений. И с этой точки зрения процесс модернизации Японии выглядит более быстрым, чем на Западе, где он носил, по определению А.А. Игнатьева /7, с.17/, характер диффузного и стихийно протекавшего исторического процесса, который никто специально не «организовывал», что, как было показано, присуще японскому типу модернизации.

Литература

1. См.: *Tsurumi Kazuko. Social Change and the Individual.* – Princeton, 1970.
2. *Соловьев В.С. Собр. соч.* – СПб, б/г. т.VI.
3. *Маранин Ф. Япония. Образы и традиции.* – М., 1980.
4. *Григорьева Т.П. Человек и мир в японской культуре.* – М., 1985.
5. *The Japanese Trajectory, Modernization and beyond.* – Cambridge, 1988.
6. Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 4.
7. См.: Вопросы философии. – 1991. – № 4.

Түйін

Акын Б. Жаңартудың жапондық тәжірибесі

Бұл мақалада жалпы жаңғыру теориясы аясында жапондық жаңғыру жолы қарастырылған. Жапонияның ерекше тарихи даму жолы шаруашылық қызметтің тұрақты рационализациялау және рухани саланың дамуынан тұратын қоғамның үздіксіз процесінен құралады.

Summary

Akyn B. Japanese Experience of Modernization

This article discusses the Japanese way of modernization in the context of the general theory of modernization. Particular path of historical development in Japan is an almost continuous process of modernization of society, not only in terms of continuing the rationalization of economic activity, but also the development of the spiritual sphere.

